

тому числі і персоніфікованої довіри [2, 108].

Мета розвитку групового соціального капіталу – створення додаткового джерела ресурсів, доступних для всіх членів суспільства. Тобто на рівні групового соціального капіталу діють механізми деперсоніфікованої довіри, деперсоніфікованих ресурсів відношення один до одного.

Індивідуальні соціальні капітали утворюють груповий капітал.

Соціальний капітал може мати локальний і глобальний рівень. Локальний рівень соціального капіталу характеризується рамками взаємодії всередині сім'ї і групи. Глобальний рівень – це рівень недержавних суспільних організацій.

Соціальний капітал має формальну і неформальну сторони. Формальна сторона соціального капіталу характеризується ступенем довіри до офіційних державних інститутів і суспільних організацій, неформальний капітал фіксується через залучення в дружні відносини, наявність контактів з родичами і знайомими [1, 59].

Таким чином, соціальний капітал – це соціальні зв'язки, побудовані на взаємній довірі і репутації, які сприяють економічному розвитку суспільства на базі соціального партнерства.

У сучасній суспільній думці, в цілому, підкреслюється позитивна роль соціального капіталу. Вважається, що взаємна довіра робить більш легітимними відносини в рамках суспільства: з'являється пошана до прав іншої людини та її власності, дотримуються домовленості, активізується участь в політичному житті суспільства. Завдяки довірі підвищується рівень співпраці в рамках виконання загальної справи, що може привести до стабільного соціально-економічного розвитку. У суспільстві, де високий ступінь довіри тільки до сім'ї і люди не схильні до партнерства з іншими індивідами, спостерігається економічна стагнація.

Формування соціального капіталу може мати для суспільства як позитивні, так і негативні наслідки. Позитивним результатом може бути те, що взаємостосунки між людьми можуть привести до кооперації з метою надання взаємодопомоги, боротьби із злочинністю, тінговою економікою та ін. Негативним результатом може бути так звана негативна кооперація, яка може виявлятися в створенні злочинних угруповань, терористичних організацій, розповсюдження корупції тощо.

Вирішення питання відносно природи і характеру соціального капіталу набуває методологічного значення за умов процесів трансформації в сучасному українському суспільстві, що можна визначити за перспективу подальшого наукового дослідження феномену соціального капіталу.

Джерела та література

1. Бова А. Проблемы управления социальным капиталом // Персонал. – 2003. – № 3. – С. 58–61.
2. Демкив О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операциональные параметры // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 4. – С. 99–111.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
4. Лесечко М., Чемерис А. Інвестування у соціальний капітал: проблеми, досвід, результати // Вісник Української Академії державного управління. – 2003. – № 2. – С. 488–500.
5. Патнэм Р. Процветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь. – М.: Мировая экономика и международные отношения, 1995. – № 4. – С. 78.
6. Степаненко В. Соціальний капітал у соціологічній перспективі: теоретико-методологічні аспекти дослідження // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. – № 2. – С. 24 – 42.
7. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 24–35.
8. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17–31.
9. Coleman J. *Foundation of Social Theory*. – Cambridge: Mass., 1990.

Масаев М.В.

К ВОПРОСУ О РОЛИ СИМВОЛА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

(в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций)

Российские социологи В.В.Радаев и О.И.Шкартан в книге «Социальная стратификация» [1] из девяти типов стратификационных систем, применимых для анализа любого социального организма, выделяют культурно – символический тип, оперирующий сакральными знаниями и проявляющийся в религиозном, научном и, что особенно проявляется в последнее время, в идеологическом манипулировании, к которому российские авторы забыли добавить манипулирование политическое.

Прошедшие недавно «оранжевая» революция в Украине и революции «роз» в Грузии и «тюльпанов» в Киргизии свидетельствуют о не последней роли символа в развитии этих «революционных» событий. Можно вспомнить в этой связи и о революции «гвоздик» в Португалии в середине 70 – х годов прошлого века.

Развивая концепцию парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций [2–9], мы намерены использовать ее в макросоциологических исследованиях, но работа эта только начинается, хотя о значении символа в социологическом и социальном – психологическом исследовании говорят уже давно. О серьезной роли символа в социологических и социальном – психологических исследованиях писал довольно – таки модный в Советском Союзе в конце 60 – х, начале 70 – х годов прошлого века американский социолог, профессор Калифорнийского Университета Тамотсу Шибутани (Tamotsu Shibutani) [10,11]. В своей книге «Социальная психология» (в англоязычном оригинале *Society and Personality* «Общество и личность» - М.М.) он говорит о роли символа в таких параграфах глав книги как «Символическая организация опыта» [10, с.103 –

109; 11, с.107 – 112] и «Вступление в символическое окружение» [10, с.397 – 404; 11, с.400 – 413]. О росте популярности идей основателя теории символического интеракционизма американского профессора Джорджа Герберта Мида (George Herbert Mead) (1863 – 1931) [12 – 14] писал в 1979 г. Л.Г.Ионин в своей «Понимающей социологии» [15]. «Идеи Мида, не пользовавшиеся популярностью более чем четверти века, ныне получают широкий резонанс», - писал этот советский философ [15, с.67]. Автор общего курса социологии для студентов высших учебных заведений Украины В.М. Пича [16], посвятивший символическому интеракционизму четвертый параграф третьего раздела своей книги «Социология: общий курс. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений Украины» (параграф так и озаглавлен «символический интеракционизм»), а раздел – «Основные школы и направления современной социологии» [16, с.56 – 59], считает символический интеракционизм «одним из наиболее интересных и продуктивных направлений в современной социологии, которое сводит содержание социальных процессов к взаимодействию индивидов в группе и обществе» [16, с.56]. К сожалению, В.М.Пича посчитал главным не роль символов, а лишь взаимодействие индивидов в группе и обществе. К еще большему сожалению, другой украинский автор А.И.Погорелый в книге «Социологическая мысль XX столетия» [17], подробно разобрав идеи социологов от Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера до Иммануила Воллерстейна и ЭюГеллера, совсем не нашел места для символического интеракционизма. Не пользуются достижениями этой школы и в практических социологических исследованиях на всем постсоветском пространстве. В Советском Союзе, отмечая положительные достижения школы символического интеракционизма, и И.С.Кон [18], и Л.Г.Ионин [15] не могли, естественно, пропагандировать символический интеракционизм, так как Дж.Г.Мид «не мог взглянуть на общество «с высоты» марксистского анализа» [15, с.70]. Потеряв эту «высоту», социологи постсоветского пространства, к сожалению, так и не смогли обрести новых высот, по крайней мере они стремятся не афишировать своей принадлежности к какой – либо школе, что не позволяет им дать более или менее адекватную оценку той или иной школы в социологии, тем более рекомендовать к практическому использованию ее конкретные достижения. Курс лекций по политологии под ред. А.А.Радугина [25] обращает внимание на политическую символику, но уделяет этому параграф 6 темы 12 «Политическая культура» (сам параграф называется «Политическая символика как элемент политической культуры») [25, с.193 – 200]. При этом за такой символикой отводится лишь абстрактная роль «важных эмоционально – психологических и ориентационно – координационных функций в политико – культурном пространстве». Лишь три строчки значению символов отводит А.А.Радугин в другом параграфе «Политическая коммуникация». [25, с.204]. А Д.Н.Шалин в Большой Советской Энциклопедии вообще объявил попытки представить символический интеракционизм как общую социологическую теорию, в равной мере пригодную для описания межличностного взаимодействия и глобальных процессов, несостоятельным [26, с.211].

Попробуем проанализировать достижения школы символического интеракционизма и сформулировать конкретные рекомендации для социологических исследований.

И сделать это надо, прежде всего потому, что роль символов в жизни человеческого общества потрясающе велика. Американский социолог Т.Шибутани в параграфе «Символическая организация опыта» своей «Социальной психологии» констатирует, что «символы могут заставить людей вступить в священную войну, предпринять опасное паломничество, участвовать в отвратительном линчевании или погибать, героически защищая безнадёжное дело» [10, с.105], [11, с.108]. Так с декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года в Афганистане погибли более 15 тысяч советских солдат и офицеров и более 50 тысяч было ранено. Было потеряно 109 самолетов, 322 вертолета, 147 танков, 1314 БМП и БТР, 432 орудия и миномета, 11 377 автомобилей. Потери афганцев, которых уничтожали из всех видов оружия, составили, как минимум, миллион человек. Через афганскую «мясорубку» прошли 527 тысяч советских воинов, в том числе 60 тысяч офицеров и более 100 тысяч десантников и спецназовцев. Расходы СССР на ведение войны и оказание безвозмездной помощи населению (до 300 эшелонов в день !) оказались роковыми для советской экономики. 10 лет никому не нужной войны обошлись советскому народу в 70 миллиардов долларов, выброшенных в ущелья и горы. [19, с.11]. И всё из – за чего? Из-за неправильно понятых символов как с одной, так и с другой стороны. СССР и ДРА воевали за идеалы социализма, а получили крах социализма как в ДРА, так и в СССР. Моджахеды, или точнее сказать душманы (в переводе на русский язык «враги» - М.М.), воевали против иностранной оккупации, а получили по сути увековечение этой оккупации, только не советскими, а уже американскими войсками. А в 1830 году Николай I, получив от российского дипломатического агента в Кабуле поручика Ивана (Яна) Виткевича план ввода русских войск в Афганистан, согласованный с афганским руководством и лично с эмиром Дост Мухаммед Шахом, с целью упредить ввод войск английских, наложил на нем резолюцию: «Пусть в Афганистане умирают англичане». Английский «дипломат» в Кабуле полковник Александр Бернс торжествовал. Но... не долго. В одну ночь его, жившего в Кабуле без охраны, зарезали, а стоявшую под Кабулом английскую армию вырезали. Оказавшемуся при английской армии генеал – губернатору Индии помимо всего прочего отрезали нос и уши, которые любил коллекционировать «сторонник» англичан претендент на афганский престол Шуджи аль – Мульк. Исторический опыт был, но... приверженность к ложным символам оказалась сильнее. Особенно выражена приверженность к символам у военных. Боевое Знамя части (Военно-морской Флаг) есть символ воинской чести, доблести и славы. За утрату этого символа несут наказание по суду военного трибунала не только непосредственные виновники, но и командир и начальник штаба, а часть расформируется и прекращает с потерей этого символа свое существование.

Чего стоят кровопролитные войны Алой и Белой Роз в средневековой Англии и почти бескровные, но весьма значительные по своим, прежде всего разрушительным, а потом и созидательным последствиям (как и все революции) революция «гвоздик» в Португалии, революция «роз» в Грузии, революция «тюльпанов» в Киргизии и «оранжевая» революция в Украине. Одна только революция «гвоздик» так изменила политическую карту мира, что в Африке исчезло 5 колоний и появилось 5 государств, а в Азии исчезли две колонии и появилось одно государство. Революция «роз» превратила в фикцию «международную» (с гарантиями России и Турции по Карсскому договору) автономию Аджарии – с «немеждународными» автономиями Южной Осетии и Абхазии Грузия «покончила» раньше, правда, не совсем удачно, фактически утратив это террито-

рии. Последствия «оранжевой» революции и революции «тюльпанов» Украина и Киргизия только начинают ощущать.

Но вернемся к символическому интеракционизму, единственной на сегодняшний день символической школе социологической науки.

Поскольку эта школа является школой интеракционизма, то есть взаимодействия, она не могла не привлекать в свое время внимание марксистов, исповедующих принцип всеобщей связи явлений как один из двух принципов своей диалектики (другой принцип – это принцип развития). Но с презрением констатировав неспособность символических интеракционистов подняться на высоты марксизма [15, с. 70], они на этом остановились. А зря. Ведь советское общество было буквально проникнуто символизмом, причем символизмом и по форме, и по сущности сакральным. Причем служение неадекватным символам, а точнее не тому, что проповедывалось, а именно символам, как заметил, Т.Шибутани, которого советский Философский энциклопедический словарь относит к чикагской школе символического интеракционизма [20, с.213], символ – «это некий объект, образ действия или слово, по отношению к которому люди действуют так, как если бы это было нечто другое» [10, с.105], [11, с.108]. Так, стремясь предотвратить ввод американских войск в Афганистан, Советский Союз сделал «нечто другое», разорив за 10 лет дружественную соседнюю страну, убив более миллиона ее жителей, создал условия для почти беспрепятственного ввода американских войск и их спокойного там нахождения, погубив и просоветское государство ДРА и совершив фактическое самоубийство – ликвидацию СССР.

Представители школы символического интеракционизма нашли то, что доподлинно отличает человеческое общество от стада животных – это то, что люди в результате эволюции утратили развитую систему инстинктов, как регуляторов поведения, создав символы в качестве новых, отличных от животного мира, регуляторов своего поведения. И главное у Дж. Г. Мида – это не открытие им Я (self) (я сам – М.М.) и не разделение его на врожденное и малоподвижное I (я в именительном падеже – М.М.) и плод социального взаимодействия me (я в косвенных падежах – М.М.), как это кажется Л.Г.Ионину [15, с.71], а символически опосредованное взаимодействие, возникновение которого можно объяснить и функционально, как необходимость координировать поведение людей, ибо у них нет таких надежных как у животных инстинктов, и антропологично – способностью людей создавать и использовать символы, на что и обратил внимание украинский социолог В.М.Пича [16, с.57]. И в социологии и в социальной психологии представителя чикагской школы символического интеракционизма Т.Шибутани – главное в символической организации опыта [10, с.103 – 109], [11, с.107 – 112] и во вступлении в символическое окружение [10, с.397 – 404], [11, с.400 – 413]. Американский социолог ставит перед людьми задачу «научиться мыслить конвенционными терминами», то есть символами [10, с.400], [11, с.413], что позволит человеку стать «участником символического окружения данной группы» [10, с.400], [11, с.413]. Всё это сводится к задаче, поставленной ещё Дж. Г. Мидом «усвоение значения символов и собственной роли» [13, с.369]. Это игнорировали все марксисты и советское руководство и поплатились за такое поведение. И проявилось все это не только в афганской войне, но и в других ошибках (бойкотирование из солидарности с «китайскими товарищами» ООН отказ из солидарности с теми «товарищами» подписать Сан-Францисский мирный договор с Японией и т.д.) и очень ярко в карикатурности и недоступности какой – либо конструктивной критике знаковых личностей режимов, особенно лидеров, таких как Н.С.Хрущев, Л.И.Брежнев, К.У.Черненко.

Последние «цветные» революции показали высокий уровень идеологической манипуляции, а это, по В.В.Радаеву и О.И.Шкаратьяну, «способ модификации общественных изменений» культурно – символического типа стратификационных систем [1]. Спекулируя на функциональном неумении людей «мыслить конвенционными терминами», на отсутствии у людей должного «усвоения значения символов и собственной роли» и эксплуатируя их антропологическую способность жить в мире символов, цветные революции будут опровергать «бледных» политиков типа Аскара Акаева, сегоднего лиса Эдуарда Шеварднадзе, бледноватого «голубого» Виктора Януковича и выдвигать на политическую авансцену более ярких, «оранжевых». И это будет до тех пор, пока толпы народа, совершающие «оранжевые» и прочие «цветные» революции, не научатся видеть, что стоит за красивыми розами, тюльпанами, гвоздиками, оранжевыми и голубыми куртками и ленточками, чтобы не получилось так, что «локомотивы истории» [22, с.86], так К. Маркс называл революции, будут заводить в позорные тупики, чтобы не возникали ситуации, когда «целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, оказывается отброшенным назад, в умершую эпоху» [23, с.121], а сама «революция исчезает в руках ловкого шулера» [23, с.122]. Интересно, что «цветную революцию» предсказывают и в России. Чего только стоит статья Евгения Анисимова в чернозёмном варианте «Комсомольской правды» «Требуются опричники?» [24, с.6 – 7]. Дело остается только за тем, что подходящего цветка [flower] или соответствующих цветов [colours] для очередной русской революции пока еще не подобрали. А грядущая русская революция, как и все предшествующие русские революции будет иметь всемирно – историческое значение. Что делает затрагиваемую в статье тему о роли символа в социологии, в том числе и политической, сугубо актуальной. Ибо, не разобравшись в символах грядущей революции, народ может жестоко обмануться, как это уже не раз бывало. Ведь «нации как и женщине не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие» [23, с.124]. А политикам, политологам и социологам следует с еще большим уважением относиться к такому явлению как символ.

Таким образом роль символа в жизни отдельных людей и всего человеческого общества весьма и весьма высока. Социологической науке следует повысить свое внимание к символу как регулятору поведения людей и всей жизни человеческого общества во всем ее многообразии, а символический интеракционизм поистине является одним из наиболее интересных и продуктивных направлений в современной социологической науке.

Источники и литература

1. Радаев В.В., Шкаратьян О.И. Социальная стратификация. М., 1995.

2. Масаев М.В. Парадигмальные образы как символы эпох// Культура народов Причерноморья. – 2000. – №14. – С.132 – 136.
3. Масаев М.В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории// Культура народов Причерноморья. – 2001. – №21. – С.210 – 211.
4. Масаев М.В. Роль образа в интервальном подходе в философии истории// Культура народов Причерноморья. – 2001. – №22. – С.199 – 205.
5. Масаев М.В. Место и роль ООН в парадигмальном образе грядущей цивилизации// Международное право. – 4/2000/13. – С.296 – 304.
6. Масаев М.В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования// Культура народов Причерноморья. – 2004. – 55. – Т.3. – С.203 – 204.
7. Масаев М.В. Феномен образного воплощения пространственно – временного континуума исторической рефлексии// Культура народов Причерноморья. – 2004. – №56. – Т.2. – С.96
8. Масаев М.В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации// Культура народов Причерноморья. – 2004. – №56. – Т.2. – С.96 – 106.
9. Масаев М.В. Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско – исторический аспект)// Культура народов Причерноморья. – 2005. – №57. – Т.2. – С.148 – 149.
10. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращенный перевод с английского В.Б.Ольшанского. Общая редакция и послесловие профессора Г.В.Осипова. – М.: «Прогресс». – 1969. – 536 с.
11. Шибутани Т. Социальная психология. Перевод с английского В.Б.Ольшанского. – М.: Астана; Ростов – на – Дону: Феникс, – 1999. – 544 с.
12. Mead G.H. The philosophy of the present. Chicago: London, 1932.
13. Mead G.H. Mind, self and society. Chicago, 1934.
14. Mead G.H. The philosophy of the act. Chicago, 1934.
15. Ионин Л.Г. Понимающая социология: историко – критический анализ. – М.: Наука, 1979. – 207 с.
16. Піча В.М. Соціологія: загальний курс. Навчальний посібник для студентів вищих закладів освіти України. – К.: «Каравела», – 2000. – 248 с.
17. Погорілий О.І. Соціологічна думка ХХ століття : Навч. Посібник. – К.: Либідь, 1996. – 224 с.
18. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
19. Евтеев А. Афганистан: моджахеды были бессильны против советского спецназа// Интересная газета. Плюс. – №176 (357), октябрь 2005. – С.11.
20. Интеракционизм// Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с. – С.213.
21. Символический интеракционизм// Философский энциклопедический словарь. М.:” Советская энциклопедия“, 1983. – 840 с. – С.698.
22. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. – т.7 – С.5 – 110.
23. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. – т.8. – С.115 – 217.
24. Анисимов Е. Требуется опричники? // Комсомольская правда. Черноземье. №127 (23561), 16 августа 2005. – С.6 – 7.
25. Политология. Учебное пособие для вузов. Составитель и ответственный редактор Радугин А.А. – М.: Центр, – 1997. – 224 с.
26. Шамин Д.Н. Мид(Mead) Джордж Герберт.// Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Гл.ред. А.М.Прохоров. Изд. 3 – е. – М.: «Советская энциклопедия», 1974, – т.16. Мёзия – Моршанск. 1974. – 616 с. с илл. – С.211.